

80 ЛЕТ ПОБЕДЫ

80th ANNIVERSARY OF VICTORY

DOI 10.15826/izv2.2025.27.4.055
УДК 314.152.2:355(470.54)

Г. Е. Корнилов
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 гг.

Статья посвящена анализу влияния Великой Отечественной войны на население, его состав и структуру. Предметом избран тыловой регион страны — Свердловская область, где демографические процессы характеризовались своими специфическими особенностями, своим соотношением демографических и недемографических факторов воспроизводства населения. Корпус источников по демографическому развитию достаточно широк, в первую очередь это массовые источники: переписи населения, текущий учет движения населения (загсовые акты рождений, умерших, браков и разводов, учет миграции милицейскими органами). Информационно насыщены сведениями о демографической системе документы наркоматов РСФСР, областных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, отделов здравоохранения, народного образования, социального обеспечения и др. Особо отметим три комплекса использованных исторических источников: единовременные учеты половозрастного состава сельского населения; данные Управления по делам эвакуированных; сведения разработки избирателей в Верховный Совет СССР (февраль 1946 г.). Проанализированные исторические источники позволили оценить изменение векторов демографического развития региона и показать влияние войны на динамику численности населения, состав и структуру населения региона, оценить деформацию воспроизводства, роль миграционного фактора в формировании населения, изменения в половозрастном составе и гендерном дисбалансе. Долговременное влияние на демографическую сферу региона стало наследием войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая Отечественная война; демографическое развитие; воспроизводство населения; миграция; эвакуация; структура и состав населения; урбанизация

Ц и т и р о в а н и е: *Корнилов Г. Е.* Демографическое наследие войны: особенности формирования населения Свердловской области в 1941–1945 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 4. С. 9–33. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.055>

Поступила в редакцию: 13.03.2025

Принята к печати: 30.06.2025

Gennady E. Kornilov

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia*

DEMOGRAPHIC LEGACY OF THE WAR: FEATURES OF THE FORMATION OF SVERDLOVSK REGION POPULATION IN 1941–1945

This article analyses the impact of the Great Patriotic War on the population, its composition and structure. The focus of this study is Sverdlovsk Oblast, a rear region of the country, where demographic processes are distinguished by their unique characteristics and the interplay of demographic and non-demographic factors in population reproduction. The body of sources on demographic development is quite extensive, primarily consisting of mass sources: population censuses, current records of population movement (registry office records of births, deaths, marriages and divorces, and migration records kept by police authorities). Documents from the Peoples Commissariats of the RSFSR, regional executive committees of the Soviets of Workers' Deputies, departments of health, public education, social security, etc. are rich in information about the demographic system. The author identifies three sets of historical sources that were utilized in the research: records of the gender and age composition of the rural population from a specific point in time; data from the Department for Evacuee Affairs; and information on the registration of voters for the Supreme Soviet of the USSR from February 1946. The analysed historical sources make it possible to assess changes in the vectors of demographic development in the region and show the impact of the war on population dynamics, the composition and structure of the region's population, assess the deformation of reproduction, the role of the migration factor in the formation of the population, and changes in the sex-age composition and gender imbalance. The long-term impact on the region's demographic sphere became the legacy of the war.

К e y w o r d s: Great Patriotic War; demographic development; population reproduction; migration; evacuation; population structure and composition; urbanisation

F o r c i t a t i o n: Kornilov, G. E. (2025). Demograficheskoe nasledie voyny: osobennosti formirovaniia naseleniia Sverdlovskoi oblasti v 1941–1945 gg. [Demographic Legacy of the War: Features of the Formation of Sverdlovsk Region Population in 1941–1945]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(4), 9–33. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.4.055>

Submitted: 13.03.2025

Accepted: 30.06.2025

Великая Отечественная война, несомненно, была одним из важнейших событий в советской истории, и ее глубокое влияние на жизнь страны проявилось в демографических изменениях. Целью статьи является изучение наследия войны, оценка того, насколько были нарушены предыдущие тенденции в развитии населения одного из тыловых регионов страны — Свердловской области, размеры потерь населения и деформаций его структуры и состава.

Исследования истории народонаселения СССР в 1941–1945 гг. имеют обширную историографию. Изучены динамика численности, состав, особое внимание уделено людским потерям, демографическим потерям. Общеизвестным стал вывод о демографической катастрофе, которую пережил советский народ и которая оказала существенное влияние на последующее демографическое развитие страны [Вишневецкий, 2016а; 2016б; Россия и СССР в войнах XX века; Андреев, Дарский, Харьков; Демографическая модернизация России; Harrison; Жиромская; Корнилов, 2017; Баранов]. Следует отметить, что заметные достижения получены в изучении демографических процессов в регионах России [Население России в XX веке; Кропачев, Кринко; Исупов, 2015; 2020; Исупов, Коробейникова, Семенов; Чернышева]. В этом потоке исследований находилась и уральская историография. Изданы работы по истории народонаселения Урала [Население Урала; Корнилов, 1993]. Сделан вывод о том, что здесь демографические процессы проходили в русле всех тыловых регионов: сокращение населения, резкое увеличение миграционных потоков, нарушение процесса воспроизводства, резкое сокращение рождений, рост умерших, деформация половозрастной структуры, изменение состава населения.

Тем не менее, на фоне активизации историко-демографических исследований заметно, что история одного из наиболее насыщенных военно-оборонными предприятиями регионов не получила достаточного отражения в научной литературе. Это Свердловская область, регион, отличавшийся своими особенностями демографического развития.

Характеристика особенностей демографического развития

Первая особенность состоит в том, что за годы войны население Свердловской области не сократилось, а увеличилось, продолжив довоенную тенденцию прироста городского населения и сокращения сельского. Здесь все население увеличилось к началу 1945 г. на 5,1 % в сравнении с 1941 г. (см. табл. 1). Подобное произошло в Челябинской (на 5,7 %), Новосибирской и Кемеровской (по 8,8 %), а также в Куйбышевской (ныне Самарской) области (на 1,1 %). Все эти регионы в связи с эвакуацией промышленных предприятий приняли большую часть населения из западных районов, с прифронтовой полосы и временно оккупированных территорий. К ним можно отнести и Молотовскую область (ныне Пермский край), где население осталось практически в довоенных размерах. Во всех остальных административно-территориальных образованиях страны

произошло сокращение населения. В данном отношении эти шесть областей можно выделить в особую группу со своими отличиями в демографическом развитии [Zhiromskaya, Isurov, Kornilov; Жиромская, Исупов, Корнилов; Корнилов, 2021].

Таблица 1

**Население промышленно развитых областей РСФСР в 1941–1945 гг.
(на начало года, тыс. человек)***

Область	1 января 1941 г.			1 января 1945 г.			1945 г. (в % к 1941 г.)
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	
Свердловская	1 635	1 068	2 703	1 951	890	2 841	105,1
Челябинская	931	1 253	2 184	1 094	1 079	2 173	105,7
Молотовская	1 123	714	1 837	1 391	550	1 941	99,5
Новосибирская	621	1 301	1 922	833	1 123	1 956	101,8
Кемеровская	976	753	1 729	1 213	659	1 872	108,3
Куйбышевская	624	1 039	1 663	792	890	1 682	101,1

* Сост. по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2219, л. 120].

Сведения табл. 1 позволяют выявить изменения в составе населения Свердловской области. Следует отметить, что это расчетные данные Отдела демографии ЦСУ Госплана СССР на май 1945 г. В 1941 г. городское население в области составляло 60,5 %, в 1945 г. его удельный вес вырос до 68,7 %. Соответственно, доля сельских жителей за это время уменьшилась с 39,5 % до 31,3 %. Процесс урбанизации в довоенные годы был вызван мощным индустриальным скачком в рамках социалистического строительства. Война его не остановила. При этом темпы уменьшения сельского населения были ниже, чем до войны, а роста горожан — выше. Поскольку сельское население претерпело существенное сокращение, доля городских жителей выросла. В эпицентре этого процесса оказалась Свердловская область. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. зафиксировала в области 59,9 % городского населения. При этом сложилась благоприятная структура населения. В областном центре Свердловске (425,5 тыс. человек) преобладало экономически активное население в возрасте от 20 до 59 лет (56,8 % от всего населения города). Свердловчан в возрасте до 20 лет насчитывалось 38,7 %, старше 60 лет — 4,5 %. Менее благоприятным было соотношение полового состава. Перепись выявила заметное преобладание женщин — 54 % населения города, т. е. на каждые 100 мужчин приходилось 114 женщин. Гендерный дисбаланс в регионе фиксировался еще до войны, он впитал в себя потери от военных конфликтов, повышенную смертность от голода, репрессий, мужскую сверхсмертность.

Миграция — основной источник формирования населения региона

Как и в 1930-е гг., миграция и в военные годы оставалась основной причиной роста городов. Наряду с переездом из села в город огромные масштабы получила эвакуация населения. На территорию Свердловской области было перебазируется более 200 заводов и в установленные правительством СССР сроки они вступили в строй, обеспечив вместе с уральскими предприятиями действующую армию танками, артиллерийскими орудиями, боеприпасами и снаряжением. В 1941 г. в области имелось 24 города и 45 рабочих поселков. За время войны произошел урбанизационный скачок: количество городов выросло до 32, а поселков городского типа — до 61. Количество городских жителей увеличилось на 19,3 %. Из 32 городов — 8 (25 %) насчитывали менее 20 тыс. человек, 17 (53,1 %) — от 20 до 50 тыс. человек, 5 (15,6 %) — от 50 до 100 тыс. человек, и 2 города (6,3 %) — свыше 100 тыс. человек (это Свердловск — 487,4 тыс. и Нижний Тагил — 234 тыс. человек). Численность ряда городов области выросла в 1,5–2 раза (Карпинск, Нижний Тагил, Серов, Ирбит, Верхняя Салда, Каменск-Уральский) [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2219, л. 174]. Городские поселения региона превратились в мощный боевой арсенал Красной армии.

Проведенные расчеты показывают, что в 1940 г. доля естественного прироста в численности городского населения Свердловской области составляла 25 %, а миграции — 75 %. В 1941 г. удельный вес естественного прироста резко снизился до 7,8 %, а миграции, наоборот, вырос до 92,2 %. В 1945 г., когда рождаемость вновь приобрела положительную динамику, доля естественного прироста увеличилась до 21,2 % (не достигнув, однако, довоенного уровня). В целом за годы войны естественный прирост в формировании численности городского населения Свердловской области опустился до 6 %.

Сведения о механическом движении фиксировались по паспортизированным городским поселениям и райцентрам сельской местности (см. табл. 2). Они показывают, что в городах чрезвычайно велика была текучесть населения. За военные годы в Свердловскую область прибыло 1 208 010 человек, при этом из городов переехало 60,7 %, из сельской местности — 26,6 %, неизвестно — 12,7 %. Передвижение населения в городской местности значительно возросло. Самый большой приток населения пришелся на второе полугодие 1941 г. (73,7 % от прибывших за этот год), при этом все прибывшие в 1941 г. в область составляли 40,6 % от всех прибывших за годы войны, в 1942 г. размеры миграции снизились, но их доля оставалась высокой и составила 27,6 % от всех прибывших в военное время, в 1943 г. она составила 13,5 %, в 1944 г. — 8,7 %, в 1945 г. выросла до 9,9 %. Всего выбыло из области 775 882 человека, из них 41,6 % из городов, 16,1 % из сельской местности, неизвестно — 42,2 %. Механический прирост составил за все военные годы 432 644 человека, отрицательное сальдо миграции было зафиксировано только в 1944 г. Отрицательным, кроме 1945 г., механический прирост фиксировался только по графе «неизвестно». За 1941–1945 гг. оборот миграции (приезд + выезд) по Свердловской области составил 1 984 400 человек.

Таблица 2

Механическое движение населения Свердловской области в 1941–1945 гг.*

Год	Прибыло				Выбыло				Механический прирост			
	Из города	Из села	Неизвестно*	Всего	Из города	Из села	Неизвестно	Всего	Из города	Из села	Неизвестно	Всего
1941	355 317	111 160	21 857	488 334	86 147	48 869	126 484	261 500	269 170	62 291	-104 627	226 834
В том числе 2-е полугодие	296 289	43 281	17 192	359 712	48 342	24 600	99 657	172 599	247 947	18 681	-82 515	184 113
1942	213 880	59 817	58 234	331 931	71 993	31 646	112 900	216 539	141 887	28 171	-54 666	115 392
1943	75 624	55 768	32 245	163 637	38 714	11 923	46 838	97 475	36 910	43 845	-14 593	66 162
1944	43 464	48 461	13 294	105 219	70 565	19 390	25 740	115 695	-27 101	29 071	-12 446	-10 476
1945	44 919	46 268	28 218	119 405	55 637	13 609	15 421	84 667	-10 718	32 659	12 797	34 738

* Сост. и исчислено по: [ГАСО, ф. 1813, оп. 1, д. 788, л. 18–21, 26, 27, 39–41, 51, 52, 69, 70].

** «Неизвестно» по прибытию и выбытию формировалось за счет призванных в РККА и прибывших по демобилизации и частично за счет прибывших и выбывших в трудовые колонии.

Коэффициент миграционного оборота (на 1 000 населения) составил: 419,2 ‰ в 1941 г., 268,3 ‰ в 1942 г., 125,8 ‰ в 1943 г., 110 ‰ в 1944 г., 103,1 ‰ в 1945 г. В 1942 г. в городах Свердловской области приезжими были 16,2 ‰. Такого мощного движения населения регион не знал в своей истории.

Прибывшие за 1941 г. в возрасте 0–15 лет составляли 19,1 %, 16–59 лет — 76,2 %, 60 и более лет — 4 %, неизвестный возраст — 0,7 %; в 1942 г. — 11,9 %, 83,3 %, 3 % и 0,8 % соответственно. Ситуация по выбытию в возрастном разрезе в первые два года войны была одинаковой: основную долю выбывших представляло население в трудоспособном возрасте — 87,9 % в 1941 г. и 87 % в 1942 г., в возрасте 0–15 лет — 8,1 % и 8 % соответственно. Среди мигрантов за все военные годы преобладали мужчины (по прибытию — 52,8 %, по выбытию — 56,6 %), женщины — 47,2 % и 43,4 % соответственно. Мужчины в возрасте 16 лет и старше среди прибывших в 1941 г. составляли 49 %, женщины этого же возраста — 51 %, среди выбывших соответственно 65,9 % и 34,1 %. В 1942 г. мужчины этого возраста первенствовали и среди прибывших (55,8 %), и среди выбывших (60,7 %). Дети в возрасте 0–15 лет составляли в 1941 г. 19,1 % среди прибывших и 8,1 % среди выбывших, в 1942 г. — 12,9 % и 14,2 % соответственно, в 1945 г. — 19,4 % и 12 % соответственно. Таким образом, основная часть мигрантов в Свердловской области была представлена людьми трудоспособного возраста (16–59 лет), дети и старики составляли около одной пятой части переселенцев.

Среди прибывших в Свердловскую область существенной была доля эвакуированных: к концу 1941 г. здесь разместили 379,8 тыс. человек (12,7 % от всего гражданского населения), в конце 1942 г. — 328 тыс. человек, в начале 1944 г. — 237,9 тыс. человек (7,7 % от всего населения), в июне 1945 г. в области оставались 104 тыс. эвакуированных, в начале 1946 г. — 80,6 тыс. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 241, л. 92; д. 479, л. 3, 20]. Большая часть осела в городской местности (в конце 1941 г. 77,7 %, в конце 1942 г. — 77,2 %, а в конце 1943 г. — 52 %) [Корнилов, 2015, с. 116, 118]. Эвакуированные существенно изменили демографическую структуру региона. Поток прибывших оказался столь значительным, что нейтрализовал отток мужчин в армию. Именно приток эвакуированных и переезд сельского населения области и сопредельных территорий в города и рабочие поселки сыграли решающую роль в увеличении численности населения области, особенно городского. К концу войны доля миграции в формировании городского населения области составила 78,8 %, а в целом по области — 94 %. В области в конце 1941 — 1942 г. 22–23 % эвакуированных были размещены в сельской местности, в конце 1943 г. — 48 %. В деревнях в подавляющем большинстве (83 %) размещались женщины, дети и старики. Реэвакуация населения из сельской местности проходила медленнее, чем в городах.

Великая Отечественная война стоила нашему народу величайших жертв и потерь. Она обострила демографическую ситуацию в регионе, потребовала отвлечения ресурсов из сферы жизнеобеспечения. Сложность демографического развития проявилась в концентрации неблагоприятных факторов внешней среды

и в ослаблении способности общества противодействовать этому процессу. Все это наглядно отразилось и на жизни населения.

Сведения ЦСУ СССР, составленные на основе областных отчетов текущего учета населения, наиболее полные (см. табл. 3), но они отличаются от данных табл. 1 по сельскому населению на начало 1945 г. на 50,7 тыс., поскольку не был учтен отъезд эвакуированных.

Таблица 3

**Динамика численности населения Свердловской области в 1940–1946 гг.
(на начало года, тыс. человек)***

Год	Город	Село	Всего
1940	1 581,3	1 078,6	2 659,9
1941	1 635,1	1 067,6	2 702,7
1942**	1 999,4	1 060,1	3 059,5
1943	2 107,7	1 165,2	3 272,9
1944	2 062,1	1 039,3	3 101,4
1945	1 951,0	839,2	2 790,2
1 июля 1945 г.	1 968,7	794,7	2 763,4
1 января 1946 г.	2 005,7	801,2	2 806,9

* Сост. по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 405, л. 2; д. 479, л. 3; д. 564, л. 2, 47; д. 626, л. 2; оп. 329, д. 791, л. 68; д. 792, л. 99–106; д. 1009, л. 35; д. 1010, л. 111; д. 1452, л. 17, 94; д. 2219, л. 120; оп. 336, д. 306, л. 3; д. 323, л. 3; д. 334, л. 3; д. 336, л. 3; д. 350, л. 3].

** 15 июня 1942 г. в состав Свердловской из Челябинской области были переданы Каменский и Покровский районы. Наличное население Свердловской области увеличилось: в городах до 1 635 тыс. человек, в сельской местности до 1 068 тыс. человек, все население до 2 703 тыс. человек [см.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2219, л. 120].

Данные табл. 3 показывают, что резкий рост наличного населения области произошел в 1941 г. на 22,1 %, в 1942 г. — на 6,97 %, в первую очередь за счет размещения эвакуированных. Затем, по мере освобождения территории от врага, шло его сокращение: за 1943 г. на 5,24 %, за 1944 г. — на 10,03 %, за первую половину 1945 г. — на 0,96 %. Тем не менее, к началу 1945 г. население области выросло в сравнении с началом 1941 г. на 3,23 %, к середине 1945 г. — на 2,25 %, к началу 1946 г. — на 3,86 %.

Факторы сокращения населения

На сокращение населения области оказывали влияние три основных фактора: мобилизация на фронт, реэвакуация и отрицательный естественный прирост, который фиксировался в 1942–1944 гг.

Особенностью городов с производством вооружений являлось бронирование части мужского населения. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. о мобилизации начался призыв военнообязанных 18–45 лет в армию. Количество освобожденных от призыва на военную службу во время войны во многом зависело от величины и стратегической важности того или иного населенного пункта. В Свердловской области к декабрю 1941 г. были призваны в Красную армию 302,3 тыс. мужчин с 1905 по 1918 г. р. из 502,9 тыс. призывного возраста 18–45 лет (60 %). Негодных по состоянию здоровья оказалось 10 % от призывников. Бронь получили 100 тыс. человек (19,9 % от всех призывников), из них горожан 91,5 тыс. человек (28 % от городских призывников), тогда как в деревнях этот показатель был существенно ниже — 8,5 тыс. человек (4,8 % от сельских призывников) [РГАЭ, ф. 4372, оп. 42, д. 497, л. 53–55]. В городах освобождались от призыва руководящие советские и партийные работники, хозяйственные руководители, специалисты, квалифицированные рабочие, ученые и работники культуры, не подлежали призыву осужденные по политической 58-й статье, до 1943 г. воры и бандиты и отбывавшие срок за бытовые преступления. Таким образом, оставшиеся в тылу мужчины несколько смягчили гендерную диспропорцию.

Война нарушила не только привычные нормы жизни и типичный для города уровень воспроизводства населения. Тяжелые условия существования людей негативно отразились и на демографической картине, характеризовавшейся деформацией естественного прироста. Миграция населения в города достигла огромных размеров (см. табл. 4).

Таблица 4

**Миграция городского населения Свердловской области в 1941–1945 гг.
(тыс. человек)***

Год	Среднегодовая численность городского населения	Прибыло	Выбыло	Сальдо	Оборот
1941	1 789,6	488,3	261,5	227,0	749,8
1942	2 044,5	331,9	216,5	115,5	548,4
1943	2 075,8	163,6	97,5	66,2	261,1
1944	2 007,0	105,2	115,7	–10,5	220,9
1945	1 978,8	119,4	84,7	34,7	204,2

* Сост. и исчислено по: [ГАСО, ф. 1813, оп. 1, д. 788, л. 18–21, 26, 27, 39–41, 51, 52, 69, 70].

Рост числа горожан фиксировался до начала 1943 г. (на 28,9 %), затем в 1943 и 1944 гг. из-за реэвакуации произошло некоторое его сокращение (в 1943 г.

на 2,16 %, в 1944 г. на 5,39 %). За военные годы число городов в области выросло на 40,9 %, рабочих поселков — на 14,5 %, т. е. количество городских поселений увеличилось на 21,4 %. Их население выросло с начала 1941 г. до конца 1945 г. на 22,67 % (см. табл. 3) [РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1941 года..., с. 281; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 года..., с. 304].

В то же время сельское население области за годы войны, несмотря на размещение эвакуированных, неуклонно и резко сократилось на 25,6 %. Основным фактором его убыли была мобилизация мужчин с 18–19 и до 50 лет в Красную армию. Кроме того, за 1943–1944 гг. некоторые крупные сельские населенные пункты указами Президиума Верховного Совета РСФСР были преобразованы в рабочие поселки, из сельского в категорию городского перешло 31,3 тыс. человек. По мобилизации на постоянную работу в промышленность, по призывам в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения из деревень было направлено 29,8 тыс. человек. Естественная убыль сельского населения из-за превышения умерших над родившимися составила 16 тыс. человек. По реэвакуации населения, проживавшего в сельской местности, за два года выбыли 54 тыс. человек. На 46,8 тыс. человек уменьшилось сельское население области по неизвестным причинам. В это число входили призванные в армию, попавшие в заключение и сбежавшие из деревни [Корнилов, 1990, с. 36].

Война привела к существенной деформации половозрастного состава сельского населения области. Ломка половой структуры населения деревни наглядно видна из следующих данных. Если в начале 1939 г. мужчины составляли 46,7 % всего населения, женщины — 53,3 %, то в начале 1943 г. это соотношение было 38,3 % и 61,7 % соответственно, а в начале 1945 г. — 37,3 % и 62,3 %. Еще более значительной была диспропорция полов в структуре селян трудоспособного возраста (16–54 года): мужчины — 27 %, женщины — 73 %. Уменьшение мужской части населения повлияло на демографические процессы, в первую очередь на число браков и их частоту, а тем самым на число рождений. Вынужденная миграция населения обусловила разрыв родственных связей, что привело к еще большему снижению уровня рождаемости, повышению смертности. Условия воспроизводства населения в годы войны резко ухудшились.

По-иному складывалась ситуация в городах и в первую очередь в областном центре. Отток людей в ходе воинских мобилизаций и снижение естественного прироста компенсировались притоком эвакуированных, а также рабочей силой из деревни. Из данных табл. 5 видно, что за 1941 г. население Свердловска увеличилось на 13,3 %, а к началу 1943 г. выросло еще на 7,5 % и достигло наивысшей за годы войны точки в 548 тыс. человек. С самого начала войны город принял значительное число перебазируемых с запада страны предприятий вместе с инженерно-техническими работниками, рабочими и членами их семей. Однако, реэвакуация, начавшаяся с 1943 г. и усиливавшаяся по мере освобождения западных регионов страны, а также отрицательный естественный прирост

привели в конечном итоге к сокращению населения Свердловска за 1943 г. на 0,8 %, за 1944 г. — на 10,4 %. К лету 1945 г. оно сократилось по сравнению с 1943 г. на 10,7 % и составило к концу войны 489,4 тыс. человек. Тем не менее население областного центра превзошло довоенные показатели на 8,7 %.

Таблица 5

Динамика численности населения города Свердловска в 1940–1945 гг.*

Год	Наличное население (тыс. человек)	% роста
Январь 1941 г.	450,0	100,0
Январь 1942 г.	510,0	113,3
Январь 1943 г.	548,0	121,8
Январь 1944 г.	543,7	120,7
Январь 1945 г.	487,4	108,3
Июнь 1945 г.	489,4	108,8

* Сост. и рассчитано по: [ГАСО, ф. 1813, оп. 11, д. 62, л. 19; РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 479, л. 3; д. 546, л. 2; оп. 329, д. 2219, л. 25]. Данные относятся к гражданскому населению.

Война нарушила не только привычные нормы жизни и типичный для городов уровень воспроизводства населения. Крайне тяжелые условия существования людей негативно отразились и на демографической картине, характеризовавшейся деформацией естественного прироста. В конце 1942 г. мужчины в городах составляли только 40,8 % населения. Это означало, что на 100 мужчин приходилось 145 женщин [ГАСО, ф. 241, оп. 3, д. 282, л. 4], а если учесть, что до 16-летнего возраста большой разницы в численности девочек и мальчиков не было, то гендерная диспропорция в трудоспособном возрасте выглядела еще большей.

Тем не менее, промышленные предприятия в экстремальных условиях войны крайне нуждались в рабочей силе, поэтому в начале 1942 г. Свердловский горком ВКП(б) принял решение о массовой мобилизации горожан на трудовой фронт. Не явившимся на работу по повестке грозило выселение из города в 10-дневный срок. В ходе этой кампании были выявлены 32,2 тыс. не работавших на производстве женщин в возрасте 15–45 лет, из них 11,6 тыс. были свободны от учебы и воспитания детей. Их всех в принудительном порядке привлекли к производственному процессу в соответствии с законами военного времени. Чрезвычайные меры стали широко применяться после Указа Президиума Верховного Совета (ВС) СССР от 13 февраля 1942 г. Для обеспечения промышленных предприятий кадрами командно-административные методы были ужесточены. Принудительная мобилизация стала основной формой привлечения населения, главным образом женщин, в промышленное и сельскохозяйственное производство, на учебу

в систему трудовых резервов. Лица, уклонившиеся от трудовой мобилизации, подлежали уголовной ответственности и получали наказание в виде принудительных работ сроком на 1 год. Указом Президиума ВС СССР от 19 сентября 1942 г. возраст женщин, подлежавших трудовой мобилизации, был повышен до 50 лет. Более того, постановление СНК СССР от 21 мая 1942 г. позволяло принимать для обучения на предприятиях подростков, достигших 14-летнего возраста. В исключительных случаях (болезнь или отсутствие родителей, тяжелое материальное положение и т. п.) на производство брали детей и меньшего возраста [Решения партии и правительства..., с. 68–69]. Прием их на предприятия был, по существу, актом помощи со стороны трудовых коллективов, так как рабочий паек спасал мальчишек и девчонок от неминуемого голода. Все средства пропаганды и агитации в то время разъясняли женщинам, что «священным долгом каждой советской патриотки является самоотверженный труд на помощь фронту. Ни одной женщины ни в городе, ни в деревне не должно быть вне общественно-полезного труда» [О Международном Коммунистическом женском дне].

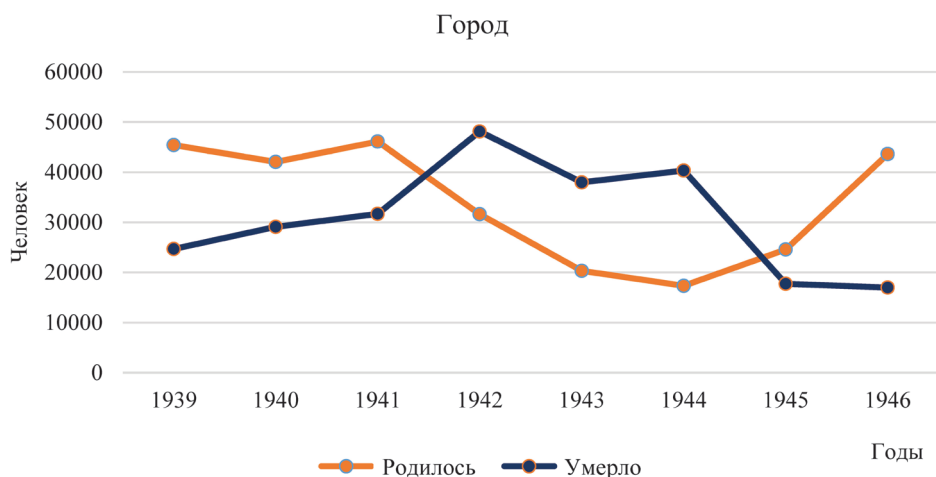
На Урале преимущественно женскими стали такие отрасли, как станкостроение, производство стройматериалов, резиновая, бумажная, лесная и пищевая отрасли промышленности. В целом к концу войны доля женщин в уральской промышленности достигла 48,4 % (в Свердловской области — 50,1 %). Увеличилась и доля детского труда. Так, на Среднем Урале подростки до 16 лет к 1942 г. составляли 5,7 % от всех промышленных рабочих, тогда как в 1940 г. этот показатель не превышал 1,8 %. Приведенные данные не соответствуют утвердившемуся в советской литературе мнению о том, что все вооружение в годы войны было изготовлено в основном женщинами, стариками и подростками под присмотром опытных специалистов и рабочих. Так, в танковой промышленности Урала трудились преимущественно мужчины 18–49 лет. Доля женщин составляла 26,6 %, подростков (до 16 лет) — 2,7 %. Стариков же, если отнести к ним людей старше 55 лет, насчитывалось всего 1,1 % [Антуфьев, с. 252, 259].

Естественно, это не умаляет значения самоотверженного, жертвенного труда во время войны этих групп населения, особенно женщин, десятки тысяч которых освоили чисто мужские профессии, были заняты на изнурительной физической работе во вредных и опасных условиях, в запыленных и загазованных, сырых и холодных цехах, с повышенным уровнем шума, вибрации и т. д. Они заменили мужчин у металлургических печей и агрегатов, за станками, где объем тяжелых и вредных ручных работ был особенно велик. Если к этому добавить дом, быт, уход за детьми и мн. др., то трудовой подвиг женщин в годы войны становится просто неоспоримым и может вызывать у потомков только чувства глубокой признательности и восхищения.

Недемографические факторы воспроизводства населения

Трансформация численности и состава населения стала стартом изменений в процессах воспроизводства, которые, с одной стороны, являлись их

результатом, а с другой — их генератором. Основополагающий элемент воспроизводства населения — рождаемость — в годы войны сократился до предельно низких величин (см. ил. 1–3). Накануне войны в области фиксировался высокий уровень рождаемости — 44,4 ‰ (по РСФСР — 32,9 ‰).

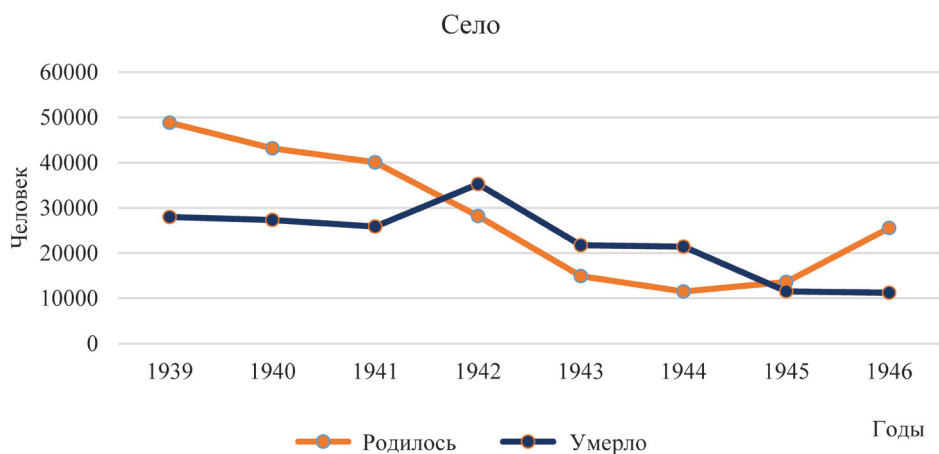

Ил. 1. Родившиеся и умершие в городах Свердловской области в 1939–1946 гг.*

* Сост. по данным табл. 6

Fig. 1. Births and deaths in the cities of Sverdlovsk region in 1939–1946*

*Based on Table 6

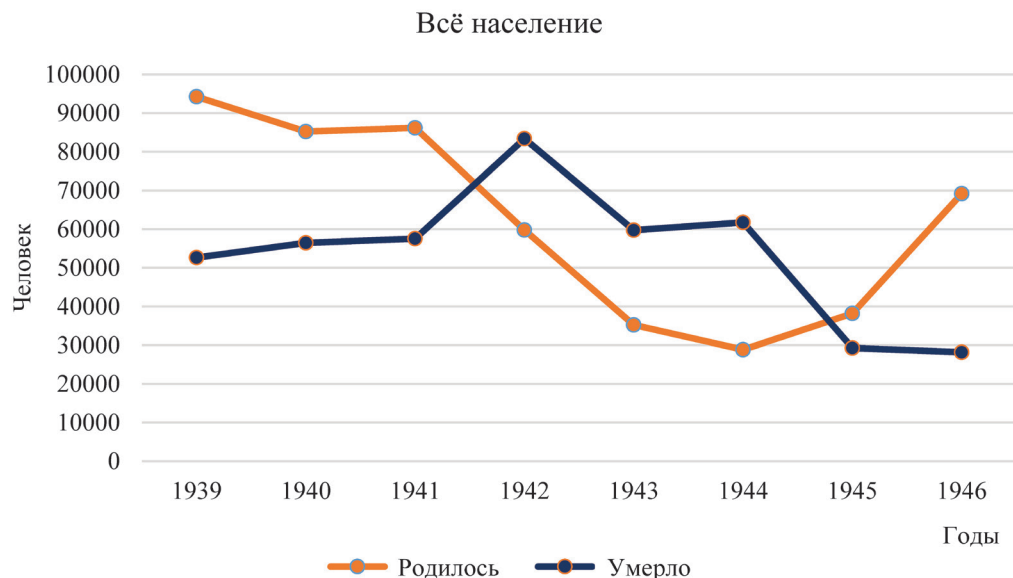

Ил. 2. Родившиеся и умершие в сельской местности Свердловской области в 1939–1946 гг.*

* Сост. по данным табл. 6

Fig. 2. Births and deaths in rural areas of Sverdlovsk region in 1939–1946*

* Based on Table 6

Ил. 3. Родившиеся и умершие в Свердловской области в 1939–1946 гг.*

* Сост. по данным табл. 6

Fig. 3. Births and deaths in Sverdlovsk region in 1939–1946*

* Based on Table 6

Ровно через 9 месяцев после начала войны — в апреле 1942 г. рождаемость резко упала и держалась на низком уровне в течение второй половины 1942 г. и все последующие годы войны (см. табл. 6). Количество родившихся с 1940 по 1944 г. сократилось по области в 3 раза, в городах — в 2,5 раза, в сельской местности — в 3,8 раза. Общий коэффициент рождаемости за это время также сократился: в целом по области в 3,2 раза, в городах — 3,2 раза, на селе — в 3 раза. Разница в показателях позволяет говорить о том, что за годы войны городское население выросло, а сельское — сократилось. Тем не менее удельный вес родившихся в сельской местности уменьшился с 50,6 % в 1940 г. до 40 % в 1944 г., а родившихся в городах увеличился с 49,4 % до 60 %. Городское население стало определять демографическое развитие в области. Пик падения рождаемости и в городах, и на селе пришелся на 1944 г. Недемографические факторы сыграли главную роль. Среди них выделим: тяжелейшие условия труда, особенно на предприятиях оборонной промышленности; суровый климат, особенно низкие температуры зимой 1941/1942 и 1942/1943 гг.; голод в условиях недорода в 1942 и 1943 г. Практически полностью погиб урожай картофеля, основной продукт питания населения. Осенью 1943 г. резко сократились нормы продовольственного снабжения. В деревнях разразился голод [Колхозная жизнь на Урале, с. 449, 456]. Только в 1945 г. ситуация изменилась: рождаемость в городах выросла на 45,2 %, в сельской местности — на 17,1 %, в целом по области — на 37,4 % (см. табл. 6).

Таблица 6

**Зарегистрированные рождения (без мертворожденных) и смерти в Свердловской области, 1939–1946 гг.
(тыс. человек и на 1000 человек в promилле)***

Год	Родилось			Умерло			Естественный прирост		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1939	45 407 41,5 %	48 816 47,4 %	94 223 44,4 %	24 668 22,6 %	28 001 27,1 %	52 669 24,8 %	20 739 18,9 %	20 815 20,3 %	41 554 19,6 %
1940	42 071 37,1 %	43 148 41,2 %	85 219 39,0 %	29 107 25,6 %	27 331 26,0 %	56 438 25,8 %	12 964 11,5 %	15 817 15,1 %	28 789 13,2 %
1941	46 098 33,9 %	40 071 36,2 %	86 169 34,9 %	31 684 23,3 %	25 874 23,4 %	57 558 23,3 %	14 414 10,6 %	14 197 12,8 %	28 611 11,6 %
1942	31 603 21,9 %	28 198 24,0 %	59 801 22,8 %	48 101 33,3 %	35 269 30,0 %	83 370 31,8 %	-16 498 -11,4 %	-7 071 -6,0 %	-23 569 -9,0 %
1943	20 318 13,7 %	14 896 15,6 %	35 214 14,4 %	37 962 25,5 %	21 757 22,8 %	59 719 24,5 %	-17 644 -11,8 %	-6 861 -7,2 %	-24 505 -10,2 %
1944	17 319 11,5 %	11 512 13,6 %	28 831 12,3 %	40 343 27,0 %	21 421 25,0 %	61 764 26,3 %	-23 024 -15,5 %	-9 909 -11,4 %	-32 933 -14,0 %
1945	24 565 16,7 %	13 633 17,1 %	38 198 16,9 %	17 725 12 %	11 531 14,5 %	29 256 12,9 %	6 840 4,7 %	2 102 2,6 %	8 942 4,0 %
1946	43 621	25 560	69 181	16 954	11 242	28 196	26 667	14 318	40 985

* Сост. и рассчитано по: [ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 11, л. 11, л. 12; ГАСО, ф. 627, оп. 1, д. 1313, л. 17, 18].

Широкое вовлечение женщин репродуктивного возраста в общественное производство не могло не повлиять на их демографическое поведение, что значительно понизило рождаемость. Эта негативная тенденция наглядно прослеживается и на примере Свердловска. Число рождений в городе уменьшалось на протяжении всех военных лет. По сравнению с 1941 г., в 1942 г. оно сократилось на 32,6 %, в 1943 г. — на 57,7 %, 1944 г. — на 59 %. В 1945 г. количество появившихся на свет в столице Урала увеличилось, но все равно оказалось на треть меньше довоенных показателей. Отмечу также, что рождаемость в Свердловске сократилась больше, чем по стране в целом [ГАСО, ф. 1813, оп. 1, д. 773, л. 68, 74–79; д. 774, л. 5; д. 775, л. 10; д. 776, л. 59; д. 771, л. 74].

Рождаемость является одним из основных факторов, влияющих на интенсивность воспроизводства. Величина общего коэффициента рождаемости зависит не только от интенсивности процесса рождаемости, но и от возрастно-половой и брачной структуры населения. Исходя из шкалы оценки, предложенной Б. Ц. Урланисом и В. А. Борисовым, рождаемость в Свердловской области в 1940–1941 гг. была высокой, в 1942 г. — средней, а в 1943–1944 гг. — низкой (см. табл. 6). Огромный «дефицит» мужской части населения репродуктивного возраста, наряду с обозначенными факторами, привел к вынужденному бесплодию значительного числа женщин, способных к деторождению. На уровень рождаемости, безусловно, влияли и семейно-брачные отношения. Многим женихам, мобилизованным в армию, пришлось отложить брак до возвращения с военной службы. Для военного периода невозможно выяснить количество и удельный вес женщин, состоявших в браке. Очевидно, что брачные отношения были прерваны для значительной части населения страны.

В первый год войны уровень рождений мало отличался от уровня предшествующего года (см. табл. 6). Количество рожденных сокращалось, начиная с весны 1942 г. и вплоть до 1945 г. За последний год войны произошло увеличение родившихся на 38,65 %, однако, это было в 2,6 раза меньше, чем в 1941 г. Если до войны количество родившихся в сельской местности превышало родившихся в городах, то в военные годы ситуация резко меняется: рожденных в городах было зафиксировано в 1,3 раза больше, чем на селе. Расчеты показывают размеры огромного урона демографическому развитию Свердловской области, который нанесла война (см. табл. 7).

В области за годы войны могло появиться на свет около 431 тыс. младенцев, фактически родилось 245,2 тыс. человек, что в 1,8 раза меньше. Общий ущерб из-за падения рождений составил почти 185,6 тыс. человек. В то же время война не смогла полностью отменить процесс демографического перехода, она его приостановила, количество рождений упало, но сохранился контроль над рождаемостью (по крайней мере аборты, увеличение возраста рожениц, первые и вторые рождения составляли половину от всех рождений).

Вторым главным подпроцессом воспроизводства населения является смертность. Крайне напряженный и тяжелый труд, снижение общего уровня благосостояния народа, резкое ухудшение питания, тяжелые жилищно-бытовые условия негативно сказались на здоровье и на продолжительности жизни. Данные табл. 6

наглядно показывают, что смертность резко повысилась в 1942 г., затем шло ее сокращение, причем в год Победы она упала до невиданных ранее размеров — 12,9 ‰. В 1943–1945 гг. произошло глубокое изменение в структуре причин смертности: сократилась доля смертей от инфекционных, желудочно-кишечных болезней и заболеваний органов дыхания. Сокращение смертности от экзогенных причин обусловило уменьшение общего коэффициента смертности. Кроме того, существенно сократилась младенческая смертность (с 325 на 1 000 родившихся в 1942 г. до 82 на 1 000 родившихся в 1945 г.), резко уменьшилась ее доля в общей смертности [Корнилов, 2014, с. 82]. Изменения в процессах воспроизводства тем не менее представляли по сути формирование предпосылок для последующей демографической модернизации.

Отношение числа родившихся к числу умерших за определенный период времени (год) называется индексом Покровского. При положительном естественном приросте населения индекс жизненности выше единицы, при отрицательном — меньше (см. табл. 8).

Таблица 7

Дефицит рождений в Свердловской области (человек)*

Год	Фактически родилось	Должно было родиться	Дефицит рождений
1941	86 169	86 169	0
1942	59 801	86 169	26 368
1943	32 214	86 169	53 955
1944	28 831	86 169	57 338
1945	38 198	86 169	47 971
Итого	245 213	430 845	184 871

* Сост. по данным табл. 6.

Таблица 8

Индекс жизненности для населения Свердловской области в 1940–1945 гг.*

Год	Городское население	Сельское население	Все население
1939	1,84	1,74	1,79
1940	1,44	1,58	1,51
1941	1,45	1,49	1,50
1942	0,66	0,80	0,72
1943	0,54	0,68	0,59
1944	0,43	0,54	0,47
1945	1,39	1,18	1,31
1946	2,57	2,27	2,45

* Сост. по данным табл. 6.

Показатель жизненности в условиях войны сокращался все годы, кроме 1945 г. В 1942–1944 гг. он был меньше единицы, т. е. представлял собой отрицательную величину в естественном приросте. В эти годы в регионе умерло больше людей, чем родилось, наблюдалась естественная убыль населения.

Однако, хотя в 1945 г. рост воспроизводства населения наблюдался повсеместно и в городе, и в селе, но, как видно из приведенных цифр, далеко не достиг довоенного уровня: общий коэффициент естественного прироста в 1945 г. составил в городских поселениях 4,8 ‰ (41,7 ‰ к 1940 г.), в сельской местности — 16,7 ‰ (18,5 ‰ к 1940 г.), а в целом по области — 4,2 ‰ (32,6 ‰ к довоенному времени) (см. табл. 6). Приведенные показатели рождаемости и смертности вполне пригодны для того, чтобы выявить тенденции их движения, в то же время они не могут претендовать на точность и сравнимость с довоенными показателями, так как исчислены к населению, отличавшемуся по возрастному и половому составу, вследствие изменений, которым оно подверглось в годы войны.

Следствие войны: разбалансированность гендерной структуры

Гендерная деформация произошла как среди сельского, так и среди городского населения. Данные сельсоветского учета показывают, что в Свердловской области на 100 женщин в возрасте 16–54 года приходилось 36 мужчин в том же возрасте в начале 1944 г. и 37 — в начале 1945 г. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1879, л. 16–18]. Сельское население области в военные годы испытывало большой дефицит мужчин. В городах, где действовала система бронирования специалистов, гендерная асимметрия несколько смягчалась. Более наглядно эту ситуацию представляют данные уже послевоенного времени — разработки избирателей в Верховный Совет СССР по Свердловской области, которые были составлены к февралю 1946 г. (табл. 9). В эти списки заносились все граждане в возрасте 18 лет и старше, кроме заключенных, ссыльных и высланных. СНК СССР разрешил статистикам использовать эти списки для определения половозрастного состава населения, кроме списков избирателей по воинским частям. Частичная демобилизация после окончания войны до начала 1946 г. изменила половую структуру, но не существенно.

Табл. 9 свидетельствует о дисбалансе полов в области, особенно в сельской местности. Во всех возрастных группах от 18 до 50 лет фиксировалось превышение женщин над мужчинами (доля женщин во всем населении составляла 61,2 %, мужчин — 38,8 %). Если в городе в возрасте 20–29 лет была наибольшая диспропорция — 58,5–60,5 мужчин на 100 женщин (или женщин было в 1,6–1,7 раза больше, чем мужчин), то на селе эта диспропорция оказалась наиболее сильной — 37,2–40,8 мужчин на 100 женщин, т. е. женщин было в 2,5–2,7 раза больше, чем мужчин. В целом по области в группе 20–29 лет на 100 женщин приходилось 50–53 мужчины. Это соотношение в возрасте 18–49 лет в целом по области составляло 100 : 64,5.

Таблица 9

**Половозрастной состав населения Свердловской области (18 лет и старше) по данным разработки избирателей
в Верховный Совет СССР (февраль 1946 г.)***

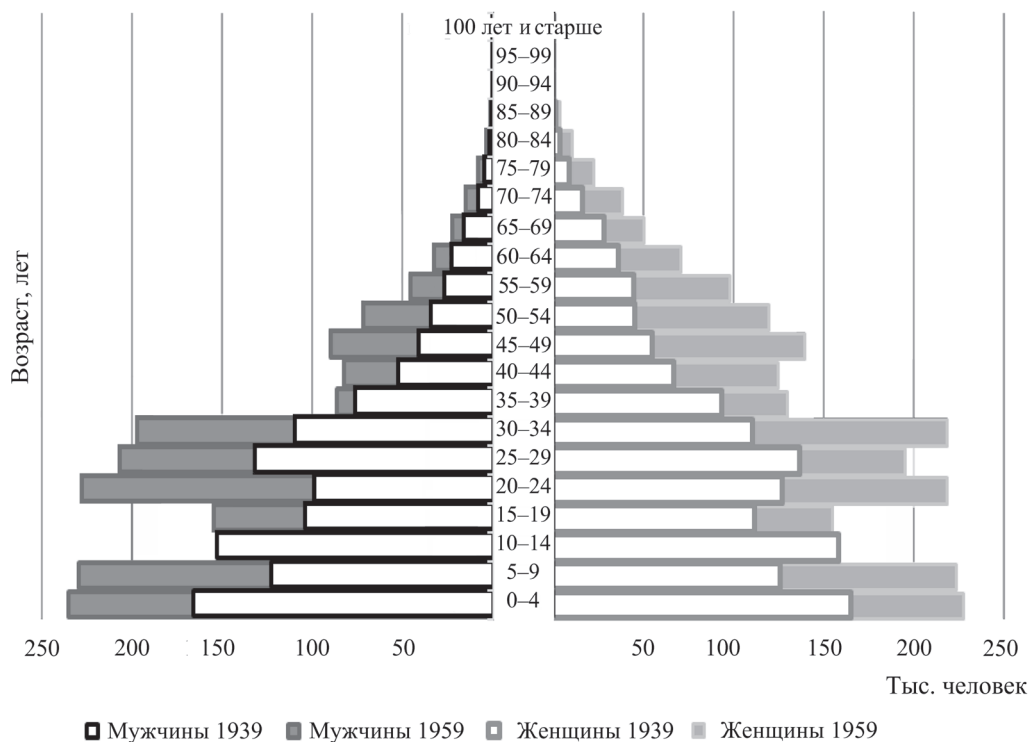
Возраст	Городское население				Сельское население				Всего			
	Мужчины	Доля мужчин от всего числа мужчин, %	Женщины	Число мужчин на 100 женщин	Мужчины	Доля мужчин от всего числа мужчин, %	Женщины	Число мужчин на 100 женщин	Мужчины	Доля мужчин от всего числа мужчин, %	Женщины	Число мужчин на 100 женщин
18–19	21 095	6,0	21 859	96,5	6 490	3,8	11 949	54,3	27 585	5,3	33 808	81,6
20–24	51 912	14,8	85 847	60,5	20 022	11,7	49 091	40,8	71 894	13,7	134 938	53,3
25–29	32 271	9,2	55 131	58,5	12 370	7,2	33 268	37,2	44 611	8,5	88 399	50,5
30–34	49 366	14,0	66 824	73,9	19 678	11,5	39 621	49,7	69 044	13,2	106 445	64,9
35–39	54 701	15,6	63 384	86,3	22 342	13,0	41 286	54,1	77 043	14,7	104 670	73,6
40–44	45 806	13,0	50 826	90,1	19 580	11,4	36 853	53,1	65 386	12,5	87 679	74,6
45–49	32 510	9,2	38 512	84,4	15 124	8,8	29 782	50,8	47 634	9,1	68 294	69,7
50–71	64 134	18,2	96 322	66,6	55 679	32,5	104 099	53,5	119 883	22,9	200 421	59,8
Итого	351 795	100,0	478 705	73,5	171 285	100,0	345 949	49,5	523 080	100,0	824 654	63,4

* Рассчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2242, л. 71].

Дисбаланс сохранился и через год. Количество избирателей на выборах в Верховный Совет РСФСР в феврале 1947 г. увеличилось по области на 2,2 %, однако удельный вес мужчин даже сократился до 38,5 %, а женщин увеличился до 61,4 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2639, л. 74; д. 3177, л. 75].

Демобилизация не внесла существенного изменения полового состава области в первые послевоенные годы. Она началась после того, как 23 июня 1945 г. 12-я сессия Верховного совета СССР приняла закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». План демобилизации был рассчитан с июля 1945 г. по март 1948 г. в шесть очередей. Демобилизация была проведена в ноябре 1945 г. для солдатского состава в 45 лет, для офицерского — в 50 лет. В числе уволенных были граждане с высшим, средним техническим образованием, студенты старших курсов, имевшие по три и более ранения, призванные в РККА до 1939 г. В марте 1946 г. увольнялись воины, родившиеся с 1916 по 1921 г. С октября 1946 г. началась демобилизация военнослужащих 1922 г. р. С марта по июль 1947 г. демобилизовались родившиеся в 1923–1925 гг. В феврале — марте 1948 г. были уволены оставшиеся воины старших возрастов. К началу 1948 г. мужчин-избирателей было зафиксировано по городу Свердловску 41,7 %, в городах областного подчинения — 43,1 %, в сельской местности — 39,9 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3152, л. 65–67]. Тем не менее, существенный гендерный дисбаланс взрослого населения сохранялся.

В последующие после войны годы, в процессе замещения поколений, диспропорции в соотношении полов не сглаживались, они перемещались в старшие диапазоны возрастов. Погибшие на фронте и сокращение рождаемости в военные годы деформировали всю возрастную пирамиду. Масштабы и хронологическая продолжительность возникшего гендерного дисбаланса подтверждается не только эмпирическими материалами периода войны, но и данными первой послевоенной переписи населения 1959 г. Компаративный анализ пирамид 1939 и 1959 гг. (см. ил. 4) показывает, что на пирамиде 1959 г. заметны возросшая асимметрия мужской и женской частей пирамиды, выбоины вследствие перемещения выше упавшей рождаемости (возраст 10–19 лет, 35–44 года). И асимметрия продолжала нарастать: мужская часть воевавших поколений уходила из жизни быстрее, чем женская. Перепись 1959 г. показала, что в Свердловской области удельный вес мужчин в возрастных когортах 35–39, 40–44 и 45–49 лет составлял 39–40 %, а женщин 60–61 %. Низкий удельный вес мужчин в диапазоне возрастов 35–49 лет, отраженный в пирамиде 1959 г., объясняется тем, что эта возрастная группа составляла основной костяк вооруженных сил страны, потери этих поколений были самыми большими. В группе старше 50 лет (1909 г. р. и старше) ситуация была еще хуже, удельный вес мужчин составил 37 %. Конечно, эту разницу нельзя автоматически отождествлять только с фронтовыми потерями мужчин, трудности нелегкой послевоенной жизни одинаково испытывали и женщины, и мужчины.

Ил. 4. Свердловская область. Половозрастные пирамиды 1939 и 1959 гг.*

* Сост. по: [Всесоюзная перепись населения 1939 года, табл. ф. 11. Возрастной состав населения; РГАЭ, ф.1562, оп. 336, д. 607; Всесоюзная перепись населения 1959 года, табл. 2,5. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту]

Fig. 4. Sverdlovsk region. Age and sex pyramids for 1939 and 1959*

* Comp. according to: [All-Union Population Census of 1939, Table f. 11. Age composition of the population; RGAE, F. 1562, Op. 336, D. 607; All-Union Population Census of 1959, Table 2.5. Distribution of the total population and those who are married by gender and age]

Заключение

Проведенный анализ демографических процессов в период Великой Отечественной войны показал, что, с одной стороны, население Свердловской области выросло за счет миграции, усилилась урбанизация региона, с другой стороны, негативное воздействие войны отразилось на всех демографических процессах. Гендерный дисбаланс, резкое сокращение удельного веса мужчин в населении определили динамику брачности, а следовательно, рождаемости, породили проблему матерей-одиночек, внебрачных детей. Демографическое наследие войны долгие десятилетия не было полностью изжито.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Таблица ф. 11. Возрастной состав населения. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607 // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php?reg=56&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 12.03.2025).

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Таблица 2,5. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php?reg=58&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 12.03.2025).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 11.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 241. Оп. 3. Д. 282; Ф. 627. Оп. 1. Д. 1313; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 773, 774, 775, 776, 771, 788; Оп. 11. Д. 62.

Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост.: Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М. : РОС-СПЭН, 2006.

О Международном Коммунистическом женском дне — 8 марта // Правда. 1942. 7 марта.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241, 405, 479, 546, 564, 626; Оп. 329. Д. 791, 792, 1009, 1010, 1452, 1879, 2219, 2242, 2639, 3152, 3177; Оп. 336. Д. 306, 323, 334, 336, 350, 607; Ф. 4372. Оп. 42. Д. 497.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. : сб. док. за 50 лет. Т. 3 : 1941–1952 гг. М. : Политиздат, 1968.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Олма-Пресс, 2001.

РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1941 года с приложением изменений, происшедших за время с 1.IV.1941 г. по 1.XI.1942 г. М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1942.

РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 года с приложением изменений с 1 июля по 31 декабря. 3-е изд. М., 1945.

Исследования

Андреев Е. М., Дарский Е. Л., Харькова Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М. : Наука, 1993.

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1992.

Баранов Е. Ю. Исследовательские подходы к оценке демографического урона России в XX в. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 92–100. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.11.27958>

Вишневский А. Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016а. Т. 3, № 2. С. 6–42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>

Вишневский А. Г. Демографический след войны // Демоскоп Weekly. 2016б. № 689–690. С. 1–20.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новый издательский дом, 2006.

Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле, 2012.

Жиромская В. Б., Исупов В. А., Корнилов Г. Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17. <https://doi.org/10.31857/S086956870005112-4>

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000.

Исупов В. А. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны: динамика и масштабы. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2015.

Исупов В. А., Коробейникова Н. С., Семенов М. А. Население Западной Сибири в годы Второй мировой войны: 1939–1945 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 143–168. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1756>

Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Корнилов Г. Е. Уральское село и война (Проблемы демографического развития). Екатеринбург : Уралагропресс, 1993.

Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX века // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89.

Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 112–121.

Корнилов Г. Е. Демографический потенциал России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Демографический потенциал стран ЕАЭС : сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. А. И. Кузьмин. Екатеринбург, 2017. Т. I. С. 21–27.

Корнилов Г. Е. Влияние Великой Отечественной войны на воспроизводство населения (на материалах Молотовской области) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 339–355. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.203>

Кропачев С. А., Кричко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М. : РОССПЭН, 2012.

Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2 : 1940–1959 / отв. ред. В. Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2001.

Население Урала, XX в.: История демографического развития / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Екатеринбург, 1996.

Чернышева Н. В. Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров : Науч изд-во ВятГУ, 2012.

Harrison M. Counting the Soviet Union's War Dead: Still 26–27 Million // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, Iss. 6 : The Russian Revolution and Stalinism. P. 1036–1047. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1547366>

Zhiromskaya V. B., Isupov V. A., Kormilov G. E. Russia's population, 1939–1945 // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90, No. 5. P. 525–536. <https://doi.org/10.1134/S1019331620050081>

References

Alekseev, V. V. (Ed.). (1996) *Naselenie Urala, XX v.: Istoriia demograficheskogo razvitiia* [The Population of the Urals, 20th Century: The History of Demographic Development]. Ekaterinburg: Ekaterinburg.

Andreev, E. M., Darsky, L. E., & Khar'kova, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soiuz: 1922–1991* [The Population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow: Nauka.

Antuf'yev, A. A. (1992). *Ural'skaia promyshlennost' nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Ural Industry on the Eve and During the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: Institute of History and Archaeology UB RAS.

Baranov, E. Yu. (2018). Issledovatel'skie podkhody k otsenke demograficheskogo urona Rossii v XX v. [Research Approaches towards Assessing the Russian Demographic Damage in the 20th Century]. *Genesis: Historical research*, 11, 92–100. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.11.27958>

Chernysheva, N. V. (2012). *Naselenie Kirovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Population of Kirov Region during the Great Patriotic War]. Kirov: Nauchnoe izdatel'stvo ViatGU.

Harrison, M. (2019). Counting the Soviet Union's War Dead: Still 26–27 Million. *Europe-Asia Studies*, 71(6), 1036–1047. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1547366>

Isupov, V. A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf.

Isupov, V. A. (2015). *Sotsial'nye peremeshcheniia v Sibiri v gody Vtoroi mirovoi voiny: dinamika i masshtaby* [Social Movements in Siberia during the Second World War: Dynamics and Scale]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS.

Isupov, V. A., Korobeynikova, N. S., & Semenov, M. A. (2016). Naselenie Zapadnoi Sibiri v gody Vtoroi mirovoi voiny: 1939–1945 gg. [Population of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)]. *Demographic Review*, 3(2), 143–168. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1756>

Kornilov, G. E. (1990). *Ural'skaia derevnia v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The Ural Village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk: Ural University Press.

Kornilov, G. E. (1993). *Ural'skoe selo i voina (Problemy demograficheskogo razvitiia)* [The Ural Village and the War (Problems of Demographic Development)]. Ekaterinburg: Uralagropress.

Kornilov, G. E. (2014). Evoliutsiia mladencheskoi smertnosti na Urale v pervoi polovine XX veka [The Evolution of Infant Mortality in the Urals in the First Half of the 20th Century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 3 (44), 80–89.

Kornilov, G. E. (2015). Evakuatsiia naseleniia na Ural v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation of the Population to the Urals during the Great Patriotic War]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 4 (49), 112–121.

Kornilov, G. E. (2017). Demograficheskii potentsial Rossii v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939–1945 gg.) [Demographic Potential of Russia during the Second World War (1939–1945)]. In A. I. Kuz'min (Ed.), *Demograficheskii potentsial stran EAES: sbornik statei VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Demographic Potential of the EAEU Countries: Collection of Articles of the VIII Ural Demographic Forum] (Vol. I, pp. 21–27). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Kornilov, G. E. (2021). Vliianie Velikoi Otechestvennoi voiny na vosproizvodstvo naseleniia (na materialakh Molotovskoi oblasti) [The Impact of the Great Patriotic War on Population Reproduction (Based on the Materials of Molotov Region)]. *Modern History of Russia*, 11(2), 339–355. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.203>

Kropachev, S. A., & Krinko, E. F. (2012). *Poteri naseleniia SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaia istoriografiia* [Losses of the USSR Population in 1937–1945: Scale and Forms. Russian Historiography]. Moscow: ROSSPEN.

Vishnevsky, A. G. (2006). *Demographicheskaiia modernizatsiia Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: Novyi izdatel'skii dom.

Vishnevsky, A. G. (2016a). Demograficheskie posledstviia Velikoi Otechestvennoi voiny [Demographic Consequences of the Great Patriotic War]. *Demographic Review*, 3(2), 6–42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>

Vishnevsky, A. G. (2016b). Demograficheskii sled voiny [Demographic Trace of the War]. *Demoscope Weekly*, 689–690, 1–20.

Zhiromskaya, V. B. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays] (Vol. 2: 1940–1959). Moscow: ROSSPEN.

Zhiromskaya, V. B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiia Rossii v XX veke* [The Main Trends of Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow: Kuchkovo pole.

Zhiromskaya, V. B., Isupov, V. A., & Kornilov, G. E. (2019). Naselenie Rossii v 1939–1945 gg. [The Population of Russia in 1939–1945]. *Rossiiskaia istoriia*, 3, 3–17. <https://doi.org/10.31857/S086956870005112-4>

Zhiromskaya, V. B., Isupov, V. A., & Kornilov, G. E. (2020). Russia's Population, 1939–1945. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 90(5), 525–536. <https://doi.org/10.1134/S1019331620050081>

Корнилов Геннадий Егорович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий Центром экономической
истории
Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: genakorn@mail.ru

Kornilov, Gennady Egorovich

Dr. Hab. (History), Professor
Head of the Centre for Economic History
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences
16, S. Kovalevskaya St., 620108 Ekaterinburg,
Russia
Email: genakorn@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>
Scopus AuthorID: 36350013300
WoS ResearcherID: Q-2341-2015